балета, прозвучат, вероятно, неожиданно. Для данной постановки это был один из тех многократных повторов, когда обычно тускнеет премьерная яркость и в исполнении начинает проникать равнодушный холодок повседневности. Тем паче для сценической истории «Аиды» в целом это должен был быть по всем «объективным данным» вовсе не заметный эпизод.

И все же именно свежесть, исполнительская яркость отличали рецензируемый спектакль. Имею в виду главным образом музыку, жизнь образов Верди в реальном вокально-оркестровом звучании. Задал тон здесь в самом полном и точном смысле слова дирижер Я. Воцак. Великолепный художник! У него редкое по интенсивности чувство кантилены, внутреннего вокального дыхания любой мелодии, будь то сольная ария, ансамбль, массив хоровых звучаний или чисто оркестровый эпизод. Музыка Верди обрела в предложенных им темпах и фразировке удивительную яркость и первоизданную свежесть. Да, первоизданную! Казалось (как это ни неожиданно для партитуры, которую знают наизусть не только профессионалы, но и сотни тысяч любителей), будто музыкальные образы рождаются сейчас, сию минуту и мы присутствуем при таинстве рождения гениального, а не при его бесчисленном воспроизведении...

Данные слова не эмоциональное преувеличение. Творческий импульс, шедший от дирижера, чувствовался непрерывно (кстати, Я. Воцак, «погружаясь» в красоту каждой мелодической фразы, одновременно крепко и

прочно строит форму целого от эпизода вплоть до гигантских «музыкально-драматургических глыб» победного шествия Радамеса и всего третьего акта). Он зажигал ярким пламенем певцов. Пламень этот отчетливо чувствовался и у темпераментного, неукротимого Амонасро (отлично светого и сыгранного Е. Поймановым), и у пылкой, беззаветной в любви Аиды, партию которой с большим подъемом и точным ощущением стиля Верди провела одаренная солистка Саратовской оперы О. Бардина. Пламень этот освещал и страстную гордую Амнерис, партию которой вокально безупречно, с тонкой музыкальностью исполнила Л. Кондратенко. Несколько бледнее выглядел рядом с ними Радамес — В. Егоров, с трудом добивавшийся героического блеска этого музыкально-вокального образа Верди.

Автор партитуры «Аиды» — композитор, чья музыка звучит ежедневно, ежечасно, всегда и везде. Его чарующие мелодии, его поразительные по силе воздействия музыкальные образы горячо любимы, прочно вошли в сознание каждого любителя музыки. Но постоянное повседневное подчас опасно для музыкального исполнительства. В массовых тиражах оно навязывает ему холодок равнодушия. Хорошо знаком этот холодок, «ремесленная невозмутимость» и сценической жизни «Аиды». Поэтому вдвойне недопустимо пройти мимо рядового по формально-афишным признакам, но празднично-яркого по существу спектакля Воронежского театра.

Ил. ПОПОВ.

ВОРОНЕЖ.

Ярко, свежо, оригинально

ЛЮБИЕ подобные эпитеты применительно к спектаклю «Аида», состоявшемуся 7 февраля в Воронежском театре оперы и